

Ситуация неопределенности, рефлексия и выбор самого себя есть имманентные условия свободы человека. Проблемное существование и есть подлинно свободное существование. Решая одни проблемы и стремясь уменьшить неопределенность, человек только множит их, одновременно расширяя сферу выбора возможностей. Ускользающие границы самоидентификации (действительно, человек — не предмет) держат субъекта в состоянии неудовлетворенности, неопределенности искомого равновесия, и это надо принять за норму. Свобода человека мыслится нами как его неотвратимый удел к бесконечному самоопределению, в процессе которого он раздвигает значения и смыслы мироздания, в которых он хочет себя обнаружить и утвердиться. Человек, вдруг определивший для себя окончательные смысловые контуры и значения, остается внутри них, хотя и имеется выход за их пределы. Но этот путь полон тупиков и разочарований: принципиальная неопределенность образа человека есть и его крест, и онтологический источник его свободы.

Синергетика способна поддержать человека надеждой на будущее, и призывает прилагать ответственные усилия для оправдания этих надежд, поскольку эволюция, продуцируя неопределенность, альтернативность будущего, несет в себе некую справедливость, готовность поддержать адекватные усилия и отвергнуть бесперспективное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1965. С. 233.
2. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 50.
5. Франк С. Л. Крушение кумиров / Соч.: М.: Правда, 1990. С. 152.
4. Кисилев Г. С. Свобода и эволюция // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 3-15.
5. Weiter W. Strukturen menschlichen Existenz. Grenzen heutigen Philosophierens. Ferdinand Schoningh, Paderborn, 1977. S. 455.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. СПб.: Азбука, 2002. С. 45.
7. Франк С. Л. Крушение кумиров / Соч.: М.: Правда, 1990. С. 79.

Геннадий Семенович КОРЕПАНОВ —
заместитель председателя
Тюменской областной Думы,
кандидат социологических наук

УДК 316.334.52.(571.12)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются основные, исторически сложившиеся, а также современные методологические подходы к изучению территориального поведения социального субъекта и региональной идентичности социального субъекта в рамках экономической социологии.

The author within the scope of economic sociology tackles several crucial traditional approaches that are aimed at investigation of social subjects' behaviour, as well as their regional identity.

Сильная социальная и экономическая политика государства, многомиллиардная поддержка делегируемых полномочий в регионы, развитие местного самоуправления требуют как соответствующей переживаемому страной периоду прак-

тики управления, так и теоретического осмысления существующих проблем, складывающейся новой социальной субъектности в регионах страны. Вместе с тем, как это часто бывает, практика может значительно опережать теорию, способствуя поискам теоретических основ эволюционного развития общества. В этом плане особый интерес представляет значительный научный опыт сибирских социологов и их научные результаты в интересующей нас области, достигнутые в 70-80-е гг. XX в., и их сравнение с современными концепциями.

Ведущие экономические социологи России отмечают дискуссионность существующих концептуальных подходов к изучению территориального поведения социального субъекта и региональной идентичности социального субъекта. И. П. Рязанцев и А. Ю. Завалишин отмечают, что «до сих пор практически полностью остается вне сферы внимания исследователей такой важный объект социологического анализа, как территориальное поведение социальных субъектов» [1; 6].

В то же время С. Г. Кирдина, представитель новосибирской экономико-социологической школы, еще в конце 1990-х гг. справедливо обращала внимание на то, что объект исследований социально-территориальной структуры общества сформировался уже в 1970-х — начале 1980-х гг. Однако этим объектом, в силу его фундаментальной изученности, в основном являлась сельская часть советского общества. В этот период было разработано ключевое понятие многоуровневой социально-территориальной структуры села, элементами которой стали типы сельских территорий, областей (краев, АССР), типы сельских административных районов, и, наконец, типы сельских поселений [2; 455-478]. Основной задачей данного этапа исследований являлась необходимость эмпирико-теоретического обоснования выделения уровней социально-территориальной структуры сельской части общества. Важно подчеркнуть, что методика исследований базировалась на многомерном типологическом анализе, признанным наиболее адекватным методом изучения строения социально-территориальной структуры.

В ходе совместной работы сотрудников отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и Института проблем управления АН СССР, была выполнена типологизация сельских поселений Западной Сибири, основанная на уровне их социально-экономического развития [3]. Затем был проведен типологический анализ сельских районов Сибири [4], представлявших средний уровень социально-территориальной структуры села [5, 83]. Этим же коллективом были выполнены работы по типологизации сельских местностей СССР на региональном (областном и республиканском) уровнях — верхнем уровне социально-территориальной структуры.

В этот период социально-региональная структура сельской части общества рассматривалась представителями новосибирской экономико-социологической школы как один из уровней иерархии социально-территориальной структуры и представляла собой концентрированное отражение различий в социально-экономическом положении сельского населения административно-территориальных единиц (областного, краевого, республиканского) уровня.

В современных экономико-социологических работах по изучению территориального поведения И. П. Рязанцев и А. Ю. Завалишин пытаются выстроить так называемую «когнитивную концепцию территориального поведения социального субъекта». При этом они исходят из «очевидного факта, что все действия (из последовательности которых складывается то или иное поведение), совершаемые субъектами, локализованы в пространстве и времени». По их мнению, «задача, таким образом, состоит в том, чтобы выявить критерии, по которым из всего спектра социальных действий можно было бы вычленить действия территориальные. По мнению авторов, таких критериев три. Это: 1) действие, так или иначе опосредованное территорией, на которой оно

происходит; 2) действие, имплицитно включающее данную территорию в акт социального взаимодействия; 3) действие, основанное на пространственной (территориальной) рефлексии субъекта. Иначе говоря, территориальным является такое действие, по отношению к которому территория выступает: 1) как среда, 2) как фактор и 3) как идея» [6; 83].

Следуя предложенной выше логике изучения территориального поведения, И. П. Рязанцев и А. Ю. Завалишин отмечают следующее. Первая (среда) предполагает, что данное действие происходит (может произойти) только в данном месте (на данной, четко ограниченной территории) и нигде более, либо здесь и на идентичных территориях (например, в городах), но не вообще в любом месте на планете. Второй (фактор) означает включение данной территории в акт социального взаимодействия путем использования ее природных ресурсов, социально-экономической инфраструктуры, факторов протяженности, дислоцирования по отношению к другим территориям и т.д. Третья (идея) предполагает рефлексии субъекта по отношению к данной территории, самоидентификацию с ней, осознание и эмоциональное переживание протяженности, дистанцированности, коммуникации между участниками социального взаимодействия на конкретной территории. В то же время нерешенной, по их мнению, остается задача, связанная с формулированием фундаментальных проблем, решение которых позволит приблизиться к построению общей теории территориального поведения.

Таковыми проблемами, на взгляд Ю. П. Рязанцева и А. Ю. Завалишина, являются: 1) концептуализация категории «территориальное поведение»; 2) выявление и анализ факторов, продуцирующих «территориальное поведение» социальных субъектов; 3) типологизация территориального поведения по ряду базовых оснований; 4) актуализация когнитивной ценности категории «территориальное поведение» для социологической теории и социальной практики.

Концептуализацию категории «территориальное поведение» вышеупомянутые авторы проводят на самых различных уровнях социологического знания, начиная от метатеоретического (уровня социальной философии), до эмпирического (прикладного), указывая, что для этого существует целый ряд достаточных и необходимых теоретико-социологических предпосылок. По их мнению, в методологическом плане необходимо лишь «развернуть» их в территориальную плоскость, специфицировать в отношении пространства и территории.

Для целей первоначального анализа территориального поведения И. П. Рязанцев и А. Ю. Завалишин пользуются методологическими подходами теорий поведения человека в коммуникативном пространстве («проксемики»), социального действия и коммуникативного действия, социального поля и социальных изменений, экономических и социологических концепций экономического поведения (деятельности) социального субъекта. Указанная методология как раз и позволяет «развернуть» «в территориальную плоскость» анализа практически любую социологическую концепцию [7; 83-84]. Исходным посылом работ по данной тематике у И. П. Рязанцева и А. Ю. Завалишина стало априорное утверждение о том, что территориальное поведение представляет собой форму социального поведения, главной особенностью которого является очевидная и непосредственная связь с той территорией (местом, местностью, регионом в составе государства, отдельным государством или группой государств (макро-регионом), на которой это поведение происходит. В отличие от иных форм социального поведения территориальное поведение (как индивидуальное, так групповое и массовое) имеет фиксированную территориальную привязку. Авторы справедливо утверждают, что важнейшим условием формирования базовых моделей территориального поведения является неповторимое сочетание на этой территории природных, климатических, экологических, геополитических, социо-

культурных, исторических и иных факторов, имеющих достаточно долговременный характер (от десятков до сотен и тысяч лет).

При этом явное и латентное действие этих факторов приводит к тому, что в каждой местности (локусе, регионе, стране) формируется фиксируемый в пространстве и длящийся во времени территориальный поведенческий паттерн, который воспроизводится живущими на данной территории людьми из поколения в поколение. Авторы утверждают, что базовая модель территориального поведения выступает нормой (социальным фактом, правилом, традицией), подчиняющей себе социальное поведение субъектов. И поскольку социокультурное воздействие таких поведенческих паттернов носит долговременный характер, они оказывают существенное влияние на развитие социальной, экономической, политической ситуации в данном регионе на протяжении длительного периода времени. Исходя из данного утверждения, они предполагают и пытаются доказать, что территориальное поведение, среди всех иных форм социального поведения, имеет наиболее интегративный характер, поскольку включает в себя все возможные типы поведения, имеющие специфику в данном месте (экономическое, политическое, религиозное, образовательное, этнокультурное, миграционное и проч.) (Данная точка зрения, на наш взгляд, достаточно интересна как новая методологическая перспектива, позволяющая развивать базовые модели социально-экономического поведения в региональном разрезе, разрабатывать адекватные им новые методы исследования. Обосновываемая авторами концепция «территориального поведения россиян» представляется весьма важной и в научном, и в практическом отношении. Это подтверждается развертыванием региональных, территориальных исследований в рамках социально-экономической географии, и в последнее время — в социологии, политологии и других науках.

Отметим, что территориальному распределению населения, в контексте развития новых транспортных средств, большое внимание уделяли первые чикагские социологи. Они считали, что социологи не могут эффективно изучать общество, игнорируя окружающую среду. Так, еще в 1916 г. Роберт Парк и Эрнест Берджесс начали собирать материалы для своей известной хрестоматии «Введение в науку социологию», изданную в 1921 г. В ней они отмечали, что анализ конкурентного сотрудничества растений, произрастающих в одной географической области, может быть моделью для человеческой экологии. Однако они не проводили никаких сравнений между географией и экологией и не считали, что география и социология могут создать экологию человека. Р. Парк утверждал, что принцип конкурентного сотрудничества — это применение социологического принципа к органической жизни. Вместо «биологизации» социального он рассматривал естественные науки с социологической точки зрения. Р. Парк признавал влияние географических факторов на человеческую жизнь, однако считал необходимым провести четкое различие между человеческой географией и человеческой экологией, выявить их специфические подходы и методы исследования.

Социология, по мнению Р. Парка, описывает общество, а география — ландшафты. Вклад социологии и географии в исследование человеческой экологии он представлял себе следующим образом: география собирает и описывает конкретные факты, а социология стремится выявить универсальные социальные характеристики. В своей известной статье «Человеческая экология» (1936) Р. Парк выделял четыре аспекта общества: население; технологическую культуру; обычаи и верования (нематериальная культура); природные ресурсы. Он писал о двух типах социальных сил: биологических (экологических) и моральных (культурных). [9; 80-81]. В настоящее время географы активно подключились к разработке социальных вопросов развития территорий, что является достаточно близким к социолого-экономической проблематике [10].

В то же время справедливо отмечается, что социальная проблематика переходного периода пока еще остается на периферии внимания географов. В основе этого — укоренившийся подход к социальному развитию только как следствию развития экономического, когда в качестве главного условия рассматривается экономический рост, а остальное должно приложиться само собой. Подобный традиционализм (экономический детерминизм) очень характерен для России, где пока еще очень медленно, особенно на управленческом уровне, а также в экономической и географической науках, меняется понимание роли социального развития. Социальные процессы тесно связаны с экономическими, но не определяются только экономикой. Не менее значимые факторы — социокультурные нормы и традиции, весьма различные для разных территориальных групп населения, накопленный человеческий капитал, мобильность и качество населения, социальный капитал с выраженной региональной спецификой, воздействие сложившейся системы расселения.

Такое понимание находит себе дорогу и обоснование. Так, по мнению Н. В. Зубаревич, наиболее плодотворный подход — это «привязка к территории» и критический пространственный анализ концепций, разработанных в смежных науках: социологии, экономике и географии, для выявления пространственных закономерностей социального развития территорий [11, 78]. А поскольку, по мнению И. П. Рязанцева и А. Ю. Завалишина, регион имеет субъектную природу, в которой связываются в «единую силлогическую конструкцию» такие категории, как пространство, среда, территория, регион, то можно получить ряд производных (остаточных) категорий. И тогда категория «территория региона» будет характеризовать его физическое пространство в совокупности с занимаемой площадью, социально-экономической инфраструктурой и населением (жителями региона). Понятно, что категория «пространство региона» потребует своего уточнения, дифференциации. Это может быть и социальное пространство региона (понимаемое по-разному, одно из определений — «соразмерность различных форм социальных отношений с четко выраженными функциями субъектно-объектного регулирования» [12; 10]; и политическое пространство региона (понимаемое и как властная иерархия, и как региональная политическая система, как совокупность внутрорегиональных политических отношений и т.п.). Это относится и к экономическому пространству региона — сети отношений по поводу производства, обмена, потребления и распределения в нем институционализированных отношений всех составляющих его субъектов. Можно говорить, например, о пространстве территории региона, подразумевая под этим некий объем рядоположенных единиц, как материальных (например, домохозяйств), так и идеальных (например, социальных отношений), формирующих пространство, спроецированное на территорию в тех или иных его границах. И. П. Рязанцевым и А. Ю. Завалишиным подчеркивается, что в отличие от «нейтральных», в социологическом смысле, категорий «пространство», «территория», «регион» такая экономико-социологическая категория как «среда» предполагает определенное воздействие на то, что в ней находится или взаимодействует с нею. Так, социальная среда — система нормативных правил, подкрепленных санкциями, политическая среда — административно-правовое и принудительное воздействие, экономическая среда — конкурентное воздействие, экологическая среда (среда обитания) определяет природно-климатическое воздействие и т. д. Исходя из этого, категорию «среда региона» указанные авторы концептуализируют как суммарный индекс социального, политического, экономического и других воздействий, оказываемых на индивидов и группы [13; 31].

Таким образом, как следует из данного анализа, имеется целый спектр самых различных концепций изучения социально-региональной структуры, территориального поведения и территориального субъекта, на которые можно опереться при анализе современных проблем Тюменского региона, и которые требуют осмысления и глубокого теоретического анализа для разработки авторского теоретико-методологического подхода к рассматриваемым современным проблемам социального развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рязанцев И. П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). (Серия «Социологические технологии»). М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006. С. 6.
2. См.: Кирдина С. Г. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества. Гл.21. // Социальная траектория реформируемой России. Исследования новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: АО Наука РАН, 1999. С. 455-478.
3. Заславская Т. И., Беленький И. М., Бородкин С. М., Мучник И. Б. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ. М.: Статистика, 1980. 343 с.
4. Федосеев В. И. Сельское население региона: (Территориальные различия условий жизни). М: Мысль, 1986. 144 с.
5. Завалишин А. Ю., Рязанцев И. П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // СоцИс. 2005. № 10. С. 83.
6. Завалишин А. Ю., Рязанцев И. П. Там же.
7. См.: Завалишин А. Ю., Рязанцев И. П. Там же. С. 83-84.
8. См.: Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). (Серия «Социологические технологии»). М.: Академический Проект; Гаудеамус. 2006. С. 8-9.
9. См.: Гросс М. География и экологическая социология: этапы формирования экологии человека / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ \ РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2006. № 2. С. 80-81.
10. См., например, интересную монографию: Н. В. Зубаревич. «Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2005.
11. Там же. С. 7-8.
12. Замаева З. П. Социальное пространство региона как объект социального анализа и регулирования (на материалах Пермской области): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. С. 10.
13. См.: Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). (Серия «Социологические технологии»). М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006. С. 31.

*Анжелика Ахметовна МАЛАХОВА —
старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
Тобольского индустриального института*

УДК 316.344.24

ОБОСНОВАНИЕ ПРОЦЕССА ГУМАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальности вопроса гуманизации высшего образования на современном этапе, обоснованию его влияния на развитие и формирование личности студента. Обозначены основные фак-